

Сегодня, как обычно, встречал детей из школы. У школьных ворот, вернее у низенькой сварной калитки, собрались люди. Родители, бабушки, женщины и среди них – я, единственный человек мужского рода. Народу немного, как всегда, четыре – пять человек. Все местные, сельчане. Стоим, ждем, молчим. Лишь изредка, кто-то переговаривается между собой.

- Солнце-то как печет!

- Так, апрель, пора уж!

В паре сотен метров от школы высится остов недостроенного многоэтажного жилого дома. На фоне синего весеннего неба серый бетонный скелет выглядит инородным телом.

- Чего-то дом-то заглох, - жалуется местная бабушка.

- Деньги кончились, - восклицает молодая женщина с коляской.

- И зачем только в деревне такой большой дом. Земли что ли мало! – вступил в разговор я.

Крупная женщина, стоящая рядом, вспомнив видимо о причине нашего здесь стояния, всплеснула руками и воскликнула, а чего стоим-то? Время то уже сколько? Урок то закончился или как?

- Да нет еще. Еще пять минут. Да пока соберутся, пока выйдут, все десять пройдут! – сказала женщина с коляской, взглянув на часы.

Повисла пауза. Люди заскучали. Каждый смотрел в свою сторону. В небе среди колючих сосновых веток, щебетали какие-то птицы. Дятел стучал по стволу. С крыши амбулатории мерно капал оттаявший снег. К самым воротам подъехала легковая машина. Водитель достал сигарету и закурил. Из салона машины, через приоткрытое окно за клубился сизый дымок.

Кругом буйствовала весна. Насыпи грязного снега таяли, мутные воды текли в образовавшиеся на дороге лужи. Тротуар, выложенный бетонными плитками, местами обнажился из под снежной каши. Грязь и вода заставляли людей наступать на оставшийся снег и карабкаться по пока еще крепким снежным косогорам. Мусор, грязь, собачьи экскременты – вот приметы апреля в нашей глубинке. Даже солнышко не скрашивало унылое ощущение запустения и разорения в окружающей нас обстановке.

Все молчали. Каждый думал о своем! Совсем скоро прозвенит звонок, из школы выбегут счастливые дети. И мы разойдемся, каждый к себе, в свой дом. Кто в квартиру на центральной усадьбе, кто в коттедж у озера.

- А все-таки красивые у нас здесь могли бы быть места. Лес, озеро, а небо какое синее! – громко сказал я и, подумав, добавил, только вот изгадили все почему-то!

- А, у нас всегда так, - сказала крупная женщина.

- И везде так, - сказала молодая женщина с коляской.

- А раньше так не было! – воскликнула местная бабушка

- Как Брежнев умер, так все и покатило по наклонной, - махнув рукой, сказала крупная женщина и проинформировала всех, что скоро дети выйдут, минута осталась.

В этот самый момент, когда осталась минута, к школьной калитке подошел высокий мужчина с фотоаппаратом. На груди у мужчины болтался «бейджик». Мужчина дернул калитку. Калитка не поддавалась. Народ молчал, с интересом разглядывая мужчину со спины. Мужчина несколько раз подергал калитку и, отчаявшись, повернулся к нам.

- Как войти-то? – Спросил он, обращаясь ко всем нам сразу.

- Кнопочку надо нажать, - сказал кто-то

- А там спросят, кто и зачем, – в разговор вступила крупная женщина.

- А вам что надо-то? – спросила молодая женщина с коляской.

- Да, ты чего пришел-то? – встрепенулась местная бабушка, и, обращаясь ко мне, заметила: чего-то я его раньше не видела. Не наш мужик-то.

Я кивнул в знак согласия, да не наш, не местный.

Мужик, приподняв «бейджик», чтобы все увидели, оправдывался: я из тех вон домов, которые строятся. Мне надо школу сфотографировать и вообще что тут есть вокруг, чтобы квартиры продавать. Ну, чтобы привлекательность места показать.

- Да уж, какая тут привлекательность. Вы посмотрите грязь-то, какая кругом, – молодая женщина с коляской закричала, продолжая яростно раскачивать коляску, вона гору какую с крыши свалило на вход в больничку, ни пройти, ни проехать!

Ее все поддержали. Народ загалдел: мусор под ногами, к магазину не подойти, лужи одни, а яма у остановки, когда хоть заделают, и в лес сейчас не войти, помойка сплошная.

- Я девчонкой весь наш лес исходила, по грибы, по ягоды, а сейчас страшно, то пьянчуги какие, то клещи появились, - крупная женщина старалась вставить свое наболевшее, откуда клещи то эти взялись. Раньше их не было.

- Точно, точно! Небось, эти как их там, америкосы нам подкинули, как колорадских. Картошка совсем родиться перестала. Да еще жуки эти, весь лес съели – поддержала выпад местная бабушка.

- Да какие там жуки? Жулики все, воры, страну свою пропили всю. Житья нет – молодая женщина с коляской еще яростнее стала трясти коляску.

- Да я-то здесь причем! Это все не ко мне. Я школу пришел сфотографировать – ответил мужик, отчаявшись дожидаться охранника.

- Чего ее фотографировать? Вон она стоит, никому не нужна! – воскликнула крупная женщина.

- Так говорят хорошая школа, - сказал мужик с фотоаппаратом.

- Это когда было-то? – спросила крупная женщина.

- При Брежнев! А сейчас все не то, - вздохнула местная бабушка.

Из школы вышла завхоз Татьяна Ивановна, спросила мужика с «бейджиком» и фотоаппаратом, тебе чего?

- Да я сфотографировать школу хотел, можно?

- Нельзя! Еще чего удумал, школу фотографировать!

- А почему нельзя? Что тут такого?
- Нельзя и все тут! Ты ее сегодня сфотографируешь, а завтра взорвешь! Что, новостей не смотришь? В мире чего делается, не знаешь? Давай, давай, иди отсюда!
- Ничего себе! Да вы что!
- Иди, иди. Не мешай работать!

Татьяна Ивановна развернулась и пошла обратно в школу. Мужик постоял у калитки, тоже развернулся и побрел к бетонному остову нового дома. За решетчатой сварной калиткой появились маленькие школьники, высматривали своих родных. Я увидел сына, взял его, и мы пошли домой. За спиной слышался крик молодой женщины с коляской.

- А ты чего тут встал! Не видишь что ли, что написано, стоянка у школы запрещена.
- Да я чего, я ничего, чего шуметь-то, - водитель выбросил папироску, запустил двигатель и медленно отъехал в сторону. Весна!

Дмитрий Маслов, Ногинск 2018 г.